

HAL
open science

Гунны на Боспоре Киммерийском

Michel Kazanski

► **To cite this version:**

Michel Kazanski. Гунны на Боспоре Киммерийском. *Vosporos Studies / Боспорские Исследования*, 2021, *Боспорские исследования*, XLII, pp.108-131. <hal-03198320>

HAL Id: hal-03198320

<https://hal.science/hal-03198320v1>

Submitted on 14 Apr 2021

HAL is a multi-disciplinary open access archive for the deposit and dissemination of scientific research documents, whether they are published or not. The documents may come from teaching and research institutions in France or abroad, or from public or private research centers.

L'archive ouverte pluridisciplinaire **HAL**, est destinée au dépôt et à la diffusion de documents scientifiques de niveau recherche, publiés ou non, émanant des établissements d'enseignement et de recherche français ou étrangers, des laboratoires publics ou privés.

HAL Authorization

*БОСПОРСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ*

Вып. XLII

**BOSPOROS
STUDIES**

Vol. XLII

Керчь
Kerch

Симферополь
Simferopol

2021

УДК 94(477.75)082
ББК 63.4-63.3(0)32
Б85

*Научная подготовка журнала осуществляется
Научно-исследовательским центром истории и археологии Крыма
Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского
и Центром археологических исследований
Благотворительного фонда «Деметра»*

*Рекомендовано к изданию Научно-техническим советом Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского (Протокол № 1 от 25.01.2021 г.)*

Редакция:

Зинько В.Н., д.и.н., ответственный редактор
Зинько А.В., к.и.н., ответственный секретарь

Редакционная коллегия:

Айбабин А.И., главный редактор, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Виноградов Ю.А., д.и.н., проф., Институт истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург)
Зинько В.Н., заместитель главного редактора, д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Казанский М.М., д.и.н., Национальный центр научных исследований (Париж, Франция)
Молев Е.А., д.и.н., проф., Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)
Сидоренко В.А., к.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Храпунов И.Н., д.и.н., Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского (Симферополь)
Цецхладзе Г.Р., PhD, профессор, главный редактор «Ancient West and East» (Левен, Бельгия)
Цукерман К., д.и.н., проф., Центр истории и цивилизации Византии Коллеж де Франс (Париж, Франция)

*Состав редколлегии утвержден Ученым советом Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского (Протокол № 4 от 30.11.2020 г.)*

Боспорские исследования. Вып. XLII / Отв. ред. В.Н. Зинько. –
Б 85 Керчь: Керченская городская типография, 2021.– 320 с.
ISBN 978-5-6046127-0-5

В XLII выпуск «Боспорских исследований» вошли статьи и публикации российских и зарубежных исследователей по результатам исследований и проблемным вопросам античных и средневековых памятников Боспора и Северного Причерноморья.

Для археологов, историков, музейных сотрудников, студентов и преподавателей, а также всех, кто интересуется древней историей и археологией юга России.

УДК 94(477.75)082
ББК 63.4-63.3(0)32

Издание профинансировано Благотворительным фондом «Деметра»

ISSN 2413-1938
ISBN 978-5-6046127-0-5

© Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, 2021
© Центр археологических исследований БФ «Деметра», 2021
© Авторы, текст, 2021

ГУННЫ НА БОСПОРЕ КИММЕРИЙСКОМ

HUNS ON CIMMERIAN BOSPORUS

История Боспора Киммерийского в гуннское время (последняя треть IV– вторая треть V в.) остается во многом неизвестной, хотя уже не раз была предметом обсуждения. Здесь будет предпринята попытка обобщения тех немногих археологических находок, которые можно связать с прямым присутствием гуннов на Боспоре Киммерийском.

Данные письменных источников

До сих пор неясно, где проходил маршрут миграции гуннов в Северное Причерноморье и насколько Боспор Киммерийский привязан к этому маршруту [см. историографию: Тортика, 2003]. Евнапий (347 – после 414 г.) отмечает, что в его время существовали разные версии появления гуннов в Европе, которые он и изложил в несохранившейся части своей «Истории» [Евнапий, Продолжение истории Дексиппа, фр. 41, цит. по Латышев, 1890, с. 726]. По свидетельству Аммиана Марцеллина (около 330 – после 395 гг.), записанному, скорее всего, в 390-е гг. [Аммиан Марцеллин, Римская история XXXI, 2.12,21], гунны, появившись в восточноевропейских степях, сначала нападают на аланов-танаитов, то есть на население Нижнего Дона, Боспор он не упоминает. В то же время некоторые позднеантичные авторы рассказывают про переход гуннов через Боспор Киммерийский, где первыми под их удар попали «скифы» - готы. Эта версия впервые отмечена у Созомена (около 400 – 450 гг.), согласно которому гунны сначала жили за огромным озером (несомненно, Меотида) и однажды, преследуя потерявшегося быка или лань, за которой они охотились, перешли вброд это озеро, открыли новую для себя страну и напали на живущих там готов [Созомен, Церковная история, VI.37, цит. по Латышев, 1890, с. 763]. Отметим, впрочем, что Боспор Киммерийский в данной легенде прямо не упоминается, Меотиду можно перейти в соответствующее время года и у устья Дона. Однако Зосим в своей «Новой истории», написанной между 450 и 502 гг., указывает, что где-то нашел известие о переходе гуннов через Боспор Киммерийский, занесенный илом «из Танаида»¹. За переходом Боспора у Зосима следует нападение гуннов на «скифов», живущих у Истра, т.е. на готов [Зосим, Новая история, IV.20.3,4, цит. по Латышев, 1890, с. 800, 801]. Позднее эта версия повторяется историками, живши-

¹ В реальности переход Керченского пролива вброд по причине физико-географических условий вряд ли возможен, подробнее см. Тортика, 2003, с. 67, 68. Зато его вполне можно было пересечь в холодные зимы по льду.

ми в эпоху Юстиниана. Так, у Иордана перечисляются народы, попавшие под удар гуннов после перехода Меотиды: *Alpidzuros, Alcildzuros, Itimaros, Tuncarsos, Boiscos* [Иордан, *Getica*, 126]. Ряд исследователей полагает, что гунны появились на Боспоре только в конце IV в., уже после вторжения в Северное Причерноморье [напр., Гадло, 1979, с. 13, 14; Айбабин, 1999, с. 73].

А.А. Васильев полагал, что рассказ о переходе гуннов через Боспор Киммерийский отражает некую реальность, при этом гуннские орды могли двигаться на Запад одновременно и через Нижний Дон, и через Керченский пролив [Васильев, 1921, с. 315 – 321]. По А.А. Васильеву, на рубеже IV – V вв. (а может быть, раньше, начиная с 342/343 г.?: см. подробнее Казанский, 2020а) Боспорское царство находилось под властью готов [Васильев, 1921, с. 312, 313; см. также Вольфрам, 2003, с. 119]. Это предположение вызывает неприятие у многих исследователей, но логичной контргипотезы они не предложили. Напомним, что в 404 г. король готов, к которому, по свидетельству Иоанна Златоуста, надо плыть на Боспор Киммерийский, печётся о назначении своим подданным нового епископа [Васильев, 1921, с. 325, 326]².

Неизвестно, подчинялся ли Боспор Киммерийский в первой половине V в. гуннам, прямых свидетельств об этом нет. Некоторую информацию можно получить из рассказа Приска Панийского об экспедиции «царских» гуннов (у Приска – скифов) Васиха и Курсиха в 420 – 430-е гг. против Ирана. Гунны выступили в поход из степей Скифии, подчинявшихся в это время царям Руе и Аттиле. Они пересекли пустынные земли, затем какое-то озеро (Меотиду, по мнению информаторов Приска, но это могут быть и Сиваш, и заболоченная дельта Дона, и Керченский пролив) и через 15 дней, перейдя горы, видимо Кавказский хребет, вторглись в Иран. Приск подчеркивает, что благодаря этой экспедиции «царские» гунны впервые узнали о возможном пути в Мидию из Скифии. На обратном пути гунны опять прошли горы, но в этот раз отклонились от уже пройденной однажды дороги и вышли к берегу моря, где из подводной скалы выбивается пламя. В этом описании историки узнают газовые и нефтяные месторождения в районе современного Баку [см., напр., Артамонов 1962 с. 54]; видимо, гунны вернулись в степи через Дербентский проход, на западном побережье Каспийского моря [Приск Панийский, *Готская история*, фр. 8, цит. по Латышев, 1890, с. 830, 831]³. Отсюда

² Вряд ли это готы страны Дори, то есть Юго-Западного Крыма, известные по более поздним источникам [о них см. Айбабин, Хайрединова, 2017], с теми проще было бы связываться через Херсонес, а не через Боспор. Тем более это не может быть какая-нибудь дунайская группировка готов, как это иногда предполагается, поскольку последние были арианами, а не православными, а стало быть, и епископа из Константинополя они вряд ли бы дождались, да и добраться к ним можно посуху, не прибегая к плаванию на корабле. Что же касается готов на Боспоре, то, судя по рассказу Прокопия Кесарийского про тетракситов (см. ниже), они были православными и получали епископа именно из Константинополя.

³ Некоторые исследователи полагают, что маршрут набега Васиха и Курсиха проходил не к западу, а к востоку от Каспийского моря. На мой взгляд, эта гипотеза требует развернутой аргументации, но как бы там ни было, из текста Приска ясно, что гунны в 420 – 430-е гг. не имели информации о путях из Северного Причерноморья в Иран, а стало быть, Боспором Киммерийским не владели.

можно заключить, что к 420 гг. европейские гунны Руи-Аттилы не владели Боспором Киммерийским, да и вообще степями Северо-Восточного Причерноморья, и даже не имели о них достоверной информации [см. подробнее Казанский, Мастыкова, 2009, с. 123, 124]. Ситуация несколько изменилась около 448 г., когда Аттила окончательно подчинил гуннов-акациров, до этого подвластных ему номинально и имевших своих многочисленных вождей. Акациры занимали степи «припонтийской Скифии» [Приск Панийский, Готская история, фр. 8, цит. по Латышев, 1890, с. 829] к востоку от Днепра [подробнее Артамонов, 1962, с. 55, 56; Казанский, Мастыкова, 2009]. Аттила, узнав про контакты акациров с римлянами, устроил карательный поход, уничтожил предателей и назначил сюда в правители своего сына Эллага [Приск Панийский, Готская история, фр. 8, цит. по Латышев, 1890, с. 823; см. Артамонов 1962, с. 55–57].

По Прокопию Кесарийскому, около середины V в. ситуацию в Восточном Крыму контролировали готы-тетракситы. По крайней мере только они смогли на Керченском проливе остановить гуннов-утигуров, отступающих из Европы⁴. По заключенному с гуннами соглашению готы-тетракситы уходят вместе с ними на Северный Кавказ [Прокопий, Война с готами, IV.5]. В 548 г. посольство тетракситов появляется в Константинополе, с тем чтобы получить себе нового епископа [Прокопий, Война с готами, IV.4.11–13]. Это довольно многочисленный народ, поскольку в 551 г. в войне утигуров против гуннов-кутригуров принимает участие отряд тетракситов из 2000 бойцов [Прокопий, Война с готами, IV. 18, 22], что составляло по тем временам значительную силу. Другой источник, свидетельствующий о пребывании готов на Кавказском побережье, это анонимный Перипл, видимо VI в., т.н. «Псевдо-Арриан», который упоминает народ Eudousianoí, говорящий на готском и таврском языках и проживающий около гавани Пагры [Continuation du Périple anonyme, Codex Londonienses, § 22. Цит. по : Baschmakoff, 1948, p. 139]⁵.

Археологические находки

Мне уже приходилось отмечать немногочисленность вещей «степной» гуннской традиции, найденных непосредственно на Боспоре [Казанский, 2019б, с. 258; Казанский, 2020б]. При этом в столице Боспорского царства – Керчи-Пантикапее -Боспоросе до сих пор не нашли следов нападения гуннов. Разрушения и пожары позднего IV – первой половины V в. на территории Боспора Киммерийского засви-

⁴ По Прокопию, в это время вандалы уже утвердились в Северной Африке, т.е. миграции утигуров имели место после 429 г., а скорее, в 450-е гг., в момент развала «империи» Аттилы – на это косвенно указывает время появления готского некрополя Дюрсо, под Новороссийском, единственного известного на сегодняшний день памятника, принадлежность которого тетракситам признается всеми. О его хронологии см. Казанский, 2001.

⁵ Об их проживании см., напр., *Ἀνωνύμου Περίπλους Πόντου Εὐξίνου* (Anonymi Periplus Ponti Euxini). §64: «Ἀπὸ οὗν Σινδικοῦ λιμένος ἕως Πάγρας λιμένος πρῶην ᾤκουν ἔθνη οἱ λεγόμενοι Κερκέται ἤτοι Τορίται, νῦν δὲ οἰκοῦσιν Εὐδουσιανοὶ λεγόμενοι τῇ Γοτθικῇ καὶ Ταυρικῇ χρώμενοι γλώττῃ». См. перевод А.В. Подосинова: «<<The space> from the Sindian harbour as far as the harbour of Pagras was earlier inhabited by the peoples called the Kerketai or the Toritai, but now here live so-called Eudousianoí who are using the Gothic and the Tauric language»: Podossinov, Anonymi (2037).

детельствованы, насколько мне известно, в Фанагории, возможно, в Батарейке-I, Кепях, Генеральском (рис. 1,2,4,6) [подробнее Kazanski, 2009, р. 182, 183]. В Кепях и Батарейке-I в слоях разрушений также были найдены характерные «степные» наконечники стрел из кости (о них см. ниже) (рис. 2,1,2). К сожалению, значительная часть археологического материала Боспора гуннского времени пока не введена в научный оборот [о памятниках этого времени см. Айбабин, 1999, с. 79, 80; Айбабин, 2003, с.14,15; Kazanski, 2009, р. 181 – 216], поэтому пока трудно говорить о реальности следов гуннского нашествия – пожаров, разрушений и пр. Кстати, захват гуннами Боспора мог произойти и без разрушения населенных пунктов, например, если исход дела был решён в полевых сражениях или дипломатическим путем.

На Боспоре Киммерийском среди находок «гуннских» вещей вне погребально-контекста следует в первую очередь остановиться на уже упоминавшихся выше костяных наконечниках стрел. Они сравнительно небольшие, плоские, вытянуто-листовидной формы, с широкой черешковой частью (рис. 2,1-3). Такие стрелы найдены, как уже говорилось, в Кепях и в слоях разрушений в Батарейке-I [Соколовский, 1968, 261, рис. 4, 9; Kazanski, 2009, р. 182], а также на таманском городище Ильичевка, где кроме того обнаружен костяной наконечник дротика (рис. 2,4) [Николаева, 1986, 186, 187, рис. 1,8,9; Гавритухин, Паромов, 2003, с. 154, табл. 62, 52, 57]. Их параллели известны в степных древностях Казахстана и Южного Урала [Боталов, Гуцалов, 2000, с. 129, рис. 18.I,1-17, П.40-44, 20.I,1-4], но пока не обнаружены в восточноевропейских степях, хотя и присутствуют в слоях Танаиса гуннского времени [Шелов, 1963, рис. 10], а также у оседлых соседей гуннской степи [напр., Старостин, 1967, табл. 16]. Тем не менее Аммиан Марцеллин, который имел информацию в первую очередь о «европейских» гуннах, отмечал, что они издали ведут бой стрелами, снабженными наконечниками из кости [Аммиан Марцеллин, Римская история, XXXI. 2.9]. Впрочем, принадлежность всех этих стрел, найденных на Боспоре, именно гуннам конца IV – первой половины V в. нуждается в обосновании. Действительно, костяные наконечники стрел и дротиков в Ильичевке могут принадлежать и постгуннскому времени, поскольку основные слои разрушений на этом памятнике относятся к VI в. [Гавритухин, Паромов, 2003, с. 154].

Еще сложнее привязать к гуннам трехлопастные, довольно крупные железные наконечники стрел, с наибольшим расширением в средней части (рис. 2,5-16). Такие стрелы широко использовались гуннами, они хорошо известны в степных погребениях конца IV – середины V в. [Засецкая, 1994, рис. 4, тип 36]. Эти наконечники наносили противнику и, что немаловажно, его коням большие открытые раны, вызывающие обильное кровотечение. На Боспоре Киммерийском они найдены как в погребальном контексте, напр., в Керчи [склеп 154.1904 г.: Засецкая, 1993, табл. 47, № 217; склеп 176.1904 г.: Засецкая, 1993, табл. 57, № 330] или в Сиреновой Бухте [склеп 23/11, Масленников, 1997, рис. 53. 8-10] в контексте середины V в. (см. ниже) (рис. 2,6-16), так и в слоях поселений, в той же Ильичевке (рис. 2,5) [Николаева, 1986, 186, рис. 1, 3; Гавритухин, Паромов, 2003, с. 154, табл. 62, 53], в Таракташе

Казанский М.М. Гунны на Боспоре...

[Мыц, Лысенко, 2001, рис. 2, 1,2]. Однако трехлопастные, «степные» по происхождению стрелы очень быстро распространяются в Европе, и начиная с V в. по VII в. они известны у самых различных народов на огромной территории от Галлии до лесной зоны современной России [Kazanski, 2009, p. 102 ; Казанский, 2019, с. 257 – 261]. Поэтому датировка и культурная принадлежность трехлопастных стрел из слоев боспорских поселений не могут быть однозначными. Тем не менее в состав инвентаря захоронений гуннского времени эти стрелы на Боспоре попадают, скорее всего, под влиянием степных погребальных обычаев (многочисленные примеры для гуннов см. Засецкая, 1994), поскольку ранее в боспорских погребениях стрелы отсутствуют.

Обращают на себя внимание костяные накладки на лук т.н. гуннского типа: с расширенными концевыми накладками, хорошо представленные в древностях гуннского времени в Европе [из последних работ о них см.: Моисеев и др., 2015, с. 22, табл.3] (рис. 2,17-24). Лук с костяными накладками длиной 120 –150 см являлся основным оружием гуннов [Alföldi, 1932. S. 18 – 26; Засецкая, 1994, с. 35, 36; Bóna, 2002, p. 117 –121 ; Kazanski, 2012, p. 193, 194]. Для эпохи переселения народов список находок луков с костяными накладками составлен Б. Анке [Anke, 1998, Karte 5, Fundliste 4]. Этот список сейчас может быть дополнен, тем не менее по уже имеющимся данным четко выделяются два основных региона их распространения: русско-украинские степи и регион Среднего Дуная. На Боспоре Киммерийском вне погребального контекста эти накладки найдены в уже упоминавшейся крепости Ильичевка (рис. 2.17,18), где они, по крайней мере частично, связаны со слоями разрушений постгуннского времени [Николаева, 1986, с. 187, рис. 1, 11; Гавритухин, Паромов, 2003, с. 154, табл. 62, 54,55], а также в Тиритаке (рис. 2,21) [Хазанов, 2008, рис. 18,2]. Луки с костяными аппликациями происходят из Азии [Werner, 1956, s. 46 – 50; Хазанов, 2008, с. 78 – 83]. Костяные накладки на лук существовали у народов восточноевропейских степей I – IV вв., в частности у сарматов и аланов и до появления гуннов [Werner, 1956, Taf. 37, 2 ; Karte 4; Хазанов, 2008, с. 84, 85]. Это оружие хорошо известно в «позднесарматскую эпоху» (II – IV вв.) и в степях Южного Урала и Северного Казахстана, т.е. на территориях, куда гунны должны были неминуемо попасть при миграции на запад в IV в. [Хазанов, 2008, с. 73 –75]. На римском Западе известны костяные накладки на лук, датированные III в., что показывает непрерывное существование этого типа оружия в Империи [Хазанов, 2008, с. 84, 85; Kazanski, 1991, p. 135]. При этом некоторые из накладок, найденные в поздне-римском контексте, имеют расширенные концы [см., напр., Bishop, Coulston, 1993, fig. 43,2, 74,1]. Для III –V вв. присутствие лука с окончаниями «гуннского» типа отмечено и в дунайской крепости *Tropaeum Traiani* [Chiriac, 1997].

Сами по себе эти находки не являются культурно определяющими, для выявления гуннского «следа» гораздо интереснее присутствие таких накладок в погребальном контексте. На Боспоре Киммерийском это находки из Керчи, склеп 154.1904 г., погр.3 [Засецкая, 1993, табл. 49, № 229] и из Старожилова-I, склеп 4/4 [Масленников,

1997, рис. 11, 1-3] (рис. 2, 19, 20, 22-24). Погребения эпохи переселения народов с костяными накладками на лук известны как у степных народов, так и у оседлых варваров, в том числе и в Крыму, в Алмалык-Дере и в Усть-Альме (рис. 3) [Kazanski, 2018, Appendix, n° 9, 13, fig. 4]. Скорее всего, у оседлых варваров обычай помещения луков в захоронение появился под влиянием степных погребальных традиций. Что же касается луков у кочевников, то в погребальных обрядах они наверняка выполняли роль социального маркера. В частности, известно, что луки связаны с символикой власти в гуннской «империи» [Harmatta, 1951; László, 1951]⁶.

Остановимся на находке скобы с зооморфным декором на конце из погребения Керчь - Глинище 1896 г. [Штерн, 1897, лист 1, рис. 7], которую обычно считают портупейной, от ножен меча (рис. 4, 18). Однако предложено и её определение как оконечности накладки на лук [Anke, 1998, Taf. 37, 1; Bóna, 2002, fig. 113] (рис. 4, 18a). При этом она сопоставлена с находками в «вождеских» погребениях и в мемориальных комплексах кочевников гуннского времени золотых пластин, интерпретируемых как накладки на лук, в частности, в Якушовице (Jakuszowice), в Новогригорьевке, погр. 8, в Печюцоге (Pécsüsözög), в Батасеке (Bátaszek), в Паннохалме (Pannonhalma), в Кубее, Новоивановке [Werner, 1956, s. 49, 50; Anke, 1998, s. 62-65; Bóna, 2002, p. 131–133; Fodor, 2017, там же библиография находок], а также с пластиной из погр. 1 (8) аланского могильника Березовский-2, на окраине Кисловодска [Савенко, 2014, с. 117–119]. Впрочем, далеко не во всех случаях предложенные реконструкции и атрибуция данных пластин как обкладок лука являются бесспорными [см. подробнее Комар, 2013, с. 90, 91; Савенко, 2014, с. 128]. Керченская находка также вряд ли относится к деталям лука, по крайней мере такая трактовка требует дополнительной аргументации.

К числу элементов, так или иначе связанных с гуннами, могут быть отнесены «персидские» парадные мечи, явно занесенные с востока [о них см. Bóna, 2002, p. 199, Fig. 104; Казанский, 2019а, с. 118–120]. Это мечи и кинжалы с полусферическим навершием, отделенным от рукояти перехватом, или же рукояти без полусферического навершия, но заканчивающиеся перехватом (рис. 5)⁷. Их прототипы известны на Ближнем Востоке, в частности в Пальмире, в 229 г. (рис. 5, 7). На Боспоре они найдены в таких погребениях, как Керчь - Глинище, склеп 1896 г., тайник склепа 145.1904 г., склеп на Тарханской дороге 1914 г., Фанагория, склеп 315.2019 г. [Штерн, 1897, рис. 7; Засецкая, 1993, табл. 17, № 47; 62, № 364; Ворошилов, Ворошилова, 2019, рис. 2, 2] (рис. 4, 6, 5, 3-8, 11). Известны они здесь и в качестве депаспортизованных находок [напр., Damm, 1988. № 103]. Помимо Боспора Киммерийского, мечи и кинжалы иранской традиции у оседлого

⁶ Император Маркиан в ночь смерти Аттилы видел сон, в котором фигурировал сломанный лук этого великого гуннского вождя [Иордан, *Getica*, 255], что косвенно свидетельствует о символической роли лука у гуннов.

⁷ Позднеримские/ранневизантийские мечи с полусферическим навершием рукояти также хорошо известны [см. Kazanski, 1991, p. 128, fig. 3, 11], но у них нет перехвата под навершием.

населения выявлены в Абхазии, на могильнике Цибилиум, на Северном Кавказе, в могильнике Волчьих Ворота, под Кисловодском и в Ингушетии, а также в Среднем Поднепровье, в погребении Волниковка, у гуннов, в крымском погребении Совхоз Калинина и, наконец, в степных погребениях несколько более раннего времени (середина – вторая половина IV в.), напр., в Муслимово на Южном Урале (рис. 5, 1, 2, 4-6). В Центральную и Западную Европу «персидские» мечи с полусферическим навершием и перехватом, насколько мне известно, не попадают [подробнее Казанский, 2019а, с. 118 – 120, там же библиография].

Крестовидные уздечные бляхи полихромного стиля происходят из Керчи, контекст находки неизвестен (рис. 9, 13) [Damm, 1988, S. 177, 178, Abb. 183, 184]. Подобные бляхи уздечного набора из бронзы, обтянутой золотой пластиной со вставками красных камней и стекла, хорошо известны у гуннов: Новогригорьева, погр. IX, Здвиженское (Воздвиженская), Совхоз Калинина, Феодосия – Гора Клементовка (рис. 2, 25) [Засецкая, 1994, с. 42, 43, табл. 1, 1, 11, 4, 22, 6, 26, 2], Усть-Альма, погр. 95 [Пуздровский, 2010, рис. 10, 5-8]. По мнению И.П. Засецкой, такие накладки помещались на перекрестии боковых ремней с налобным и наносным ремнями конского поголовья [Засецкая, 1994, с. 42, 43]. В Центральной Европе в гуннском контексте полихромные бляхи не известны, но в уже упоминавшемся захоронении Якушовице, в Южной Польше, имеются крестообразные бляхи без полихромного декора [Godlowski, 1995, Abb. 2, 2, 3].

К числу заимствований из степного гуннского мира можно отнести обычай помещения в боспорские погребения седел. В Керчи, в некрополе улицы Госпитальная, для гуннского времени седло было найдено в коллективном «фамильном» склепе 165.1904 г., в погр. 5. Седло здесь деревянное с серебряными украшениями и гвоздиками с позолоченными шляпками, тип не устанавливается [Шкорпил, 1907, с. 49; Засецкая, 1993, с. 97]⁸.

В гуннское время погребения с жесткими седлами хорошо известны у кочевников [Засецкая, 1994, с. 45 – 50], а также в отдельных привилегированных погребениях оседлого населения степной периферии, таких как Концешты (Concești) [Фурасев, Шабалавина, 2019, с. 159 – 162]. Седла в привилегированных погребениях появляются у варваров понто-кавказских степей, видимо, ещё в позднеримское время. Так, в «вождеском» погребении Кишпек, датированном началом IV в., на территории Кабардино-Балкарии были обнаружены остатки плохо сохранившегося деревянного седла. Примыкает по времени к гуннской эпохе катакомба 10 могильника Лермонтовская Скала-2, в Пятигорье. Это аланское коллективное (семейное?) погребение в катакомбе. Здесь были захоронены женщина и молодой че-

⁸ В другом керченском склепе, 6.1905 г., был обнаружен смешанный материал [Шкорпил 1909: 3, 4], типичный для гуннского [напр., Засецкая, 1993, табл. 3, № 37] и постгуннского времени [напр., Шкорпил, 1909, рис. 1]. Здесь также были найдены остатки седла типа Засецкая 4В2, характерного уже для постгуннского времени [Засецкая, 1994. Приложение 3, № 17, рис. 10, 17]. В данной работе постгуннский материал не рассматривается.

ловек с инвентарем гуннского времени и мужчина с вещами постгуннской эпохи. Седло с другими предметами конского убора, обнаруженные в камере, относятся к одному из мужских погребений, «гуннскому» или «постгуннскому» [Казанский, 2014, с. 324, 325, там же библиография по находкам].

На позднеримском Западе погребения с седлами связаны с военной варваризированной средой. Это погребение воинского предводителя в Мундольсхейм, в Эльзасе, в районе Страсбурга. Здесь были найдены меч и топор (не сохранились), предметы поясной и/или обувной гарнитуры, предметы конского убора. Погребение датируется периодами D2 (380/400 – 440/450 гг.) или D2/3 (430/440 – 460/470 гг.) по хронологии европейского Барбарикума. Исследование его инвентаря позволило предположить северопричерноморское происхождение захороненного здесь офицера, скорее всего, связанного с оседлой понтийской средой. Стоит также упомянуть погребение конца IV в. в Северной Галлии в Сарри (Sarry) (деп. Марна), содержащее в своем инвентаре, помимо прочего, меч, кольчугу и металлические детали седла. Остатки деревянного седла были обнаружены в погр. 3 нубийского некрополя Баллана (Ballana). Погребение относится ко времени около 450/460 гг. Это камерное аристократическое погребение взрослой женщины, сопровождавшееся, в частности, конскими жертвоприношениями [Казанский, 2014, с. 325, там же библиография по находкам].

Среди «степных» погребальных обрядов, отмеченных на Боспоре Киммерийском, следует, видимо, упомянуть и захоронения с несколькими конями. Одно такое погребение коней засвидетельствовано в некрополе Сиреневая Бухта, в склепе 23/11 (рис. 6), откуда происходят уже упоминавшиеся трехлопастные наконечники стрел. Это большой двухкамерный склеп, одна камера ограблена, во второй неограбленной камере обнаружено не менее 5 ингумаций. К северу от склепа найдено пять конских захоронений в ямах. Лошади захоронены в ямах по оси З-В (одна – С-Ю). Одна лошадь находилась на боку, остальные – спиной вверх. При погребениях лошадей найдены удила, бронзовые пряжки [Масленников, 1997, с. 22 – 25, рис. 50]. Небольшие пряжки с овальными рамкой и щитком (рис. 6, 10, 12), обнаруженные также в склепе, имеют параллели в знаменитой «княжеской» могиле Смолин (Smolin) в Южной Моравии [*L'Or des princes barbares*, 2000, n° 22, 9]. Последняя датируется периодом D2/D3, т.е. 430/440 – 460/470 гг. по хронологии европейского Барбарикума [Tejral, 2011, s. 15 – 17, 355], что в некоторой степени и указывает на дату конских захоронений в Сиреневой Бухте. Судя по характеру склепа, он, как и весь некрополь, принадлежит местному эллинизированному населению Боспора Киммерийского. Тем не менее наиболее близкая территориальная параллель – это захоронение постгуннского времени в Малаях, курган 1, погр. 12, в Восточном Приазовье [Лимберис, Марченко 2011, с. 420 – 439]. В целом же захоронения коней и конских шкур хорошо известны в степном гуннском контексте [Kazanski, 2009, p. 99; Казанский, Мастыкова, 2009, с. 116, там же библиография], откуда этот обычай проникает и в Западную Европу [Казанский, Перен, 2005, с. 39].

Наконец, рассмотрим гуннскую диадему из Керчи, которая уже была предметом специального исследования [Казанский, 2020б] (рис. 7). Она принадлежит к числу типичных женских украшений степных кочевников гуннского времени, их сейчас известно более двух десятков [подробно см. Kovrig, 1985; Засецкая, 1994, с. 50 – 58]. Диадема вроде бы была найдена на северном склоне горы Митридат, предположительно в районе улицы Константиновской («*que de Constantinople*», сейчас улица 23 Мая 1919 г.), в склепе («*Katakombe*»), вместе с другими вещами – пряжками, фибулами и пр.⁹

Диадема составлена из трех пластин прямоугольной формы, как и некоторые другие диадемы [Шипово, Канатгас: Засецкая, 1994, с. 52,53] на бронзовой основе, покрыта золотым листом и украшена гранатовыми и стеклянными вставками в изолированных гнездах. Ее длина – 34,2 см. По типологии И. Ковриг, в основе принятой и И.П. Засецкой [Засецкая, 1994, с. 56], керченская диадема принадлежит группе 2б. Это венцы без гранулированного декора, вся поверхность которых покрыта плоскими камнями поттреугольной, ромбической и прямоугольной, редко округлой форм, близко посаженными, в несколько прямых рядов [Kovrig, 1985. S.124, 126]. В число диадем этой подгруппы входят находки в Бухэни (*Buhăieni*), Енджиховице (*Höchrict - Jędrzychowice*), Будапеште, Дульчанке (*Dulceanca*), Геразени (*Gherăseni*), может быть, в совхозе Калинина [Kovrig, 1985, Abb. 7]. Плоские вставки камней имеются также на диадемах из Черны (*Csorna*) и Шурбанца (группа Ковриг 2с) [Засецкая, 1993, с. 56]. Итак, керченская диадема явно «западная» и связана по происхождению именно с зоной, контролировавшей Руды и Аттилой, поскольку практически все находки венцов группы Ковриг 2б (за исключением Керчи и совхоза Калинина), и вообще диадемы, украшенные плоскими камнями, локализируются к западу от Днестра [Kovrig, 1985, Abb. 13]. При этом больше всего находок отмечено в бассейне Нижнего Дуная и Днестра (рис. 8). Эта территория, если верить Приску Панийскому, была завоевана Рудой (погиб около 434 г.), при этом в его подчинение попали местные варвары – амилзуры, итимары, тоносуры, воиски [Приск Панийский, Готская история, фр. 1. цит. по Латышев, 1890, с. 810]¹⁰. Зато один декоративный элемент керченской диадемы – центральная композиция с двумя птичьими головами – имеет параллели только в восточной части степи – в погребении постгуннского времени (вторая треть V – вторая треть VI в.) в Шипово, на Южном Урале [Kovrig, 1985. Abb. 6; Засецкая, 1994. Табл. 42,1]. Иными словами, сделанная в «западной» гуннской технике диадема в то же

⁹ Вещи были куплены в 1907 г. А. Мерль де Массонё и попали в коллекцию И. фон Диргардта. Сейчас диадема находится в Римско-Германском музее в Кёльне [Damm, 1988, s. 85 – 92; Damm, 1996, s. 82 – 84; Eger, 2017].

¹⁰Этот список народов практически полностью совпадает с перечислением племен, попавших под удар гуннов сразу после перехода Меотиды, перечисленных Иорданом, *Alpidzuros, Alcildzuros, Itimaros, Tuncarsos, Boiscos* [Getica, 126] (см. выше). Есть два возможных объяснения этого совпадения – текст Иордана списан у Приска или же меотийских кочевников около 375 г. отогнали на Нижний Дунай.

время несла символику, понятную «восточным» кочевникам. Представляется, что данная находка отражает ситуацию, сложившуюся к 448 г., когда Аттила подчинил гуннов-акациров (см. выше). Именно в это время Боспор Киммерийский, уже после похода Васиха и Курстха (см. выше), мог войти в орбиту власти Аттилы, что и обусловило попадание сюда гуннских вещей из Подунавья.

В заключение перечислим собственно «гуннские» памятники, т.е. погребения и отдельные характерные предметы, принадлежавшие степным кочевникам гуннского времени, которые размещаются на периферии Боспора Киммерийского. На Европейском Боспоре это хорошо известные погребения – Марфовка (рис. 9,1-11) [Айбабин, 1993, с. 206, рис. 2; Засецкая, 1994, с. 177, табл. 24; Айбабин, 1999, с. 71, 73, рис. 19, 21; Застрожнова, Шаров 2017], Феодосия – Гора Клементовка / Коклюк (рис. 9, 12-18) [Айбабин, 1993, 206, рис. 3, 15, 16, 25, 26; Засецкая, 1994, с. 178, табл. 26. 1-5; Айбабин, 1999, с. 71], а также находка вне контекста в Феодосии (рис. 9,19) [Засецкая, 1994, рис. 11,8; Айбабин, 1999, с. 71]. На востоке, в непосредственной близости от Азиатского Боспора, гуннские находки также немногочисленны. Можно назвать, пожалуй, лишь фрагменты гуннского котла, происходящие из Бужор, под Анапой (рис. 9,20-22) [Новичихин, 2014]. Значительно дальше, за Кубанью, находится кочевническое захоронение Калининская, курган 35, погр. 3 [Лимберис, Марченко, 2011, с. 417 – 420, рис. 2]. Показательно, что женские украшения из крымских находок, обильно украшенные зернью (стиль Засецкая, 1) (рис. 9,1,3,4,9,19), характерны в первую очередь для восточной, условно «акацирской» зоны распространения степных памятников гуннского времени [подробно Казанский, Мастыкова, 2009, с. 120, 121]. Обломки котла из-под Анапы также более всего соответствуют варианту, распространенному в восточной половине степной зоны, а именно в Поволжье и Приуралье [Новичихин, 2014, с. 168, 169]. Эти находки подтверждают, во-первых, реальное присутствие степняков на подступах к Боспору, а во-вторых, указывают на связь этих кочевников не с «царскими» гуннами династии Аттилы, а скорее, с акацирами или культурно близкими им восточными группами степняков.

* * *

Итак, находки гуннских вещей в Восточном Крыму и на Тамани, а также наличие «степных» обычаев в погребальной практике боспорского населения конца IV – середины V в. немногочисленны и, на мой взгляд, отражают лишь эпизодическое присутствие гуннов на территории Боспора Киммерийского. При этом легко заметить, что эти вещи и погребальные обычаи связаны в первую очередь с «вождеской» и «воинской» цивилизацией того времени и, видимо, не затрагивают основную массу эллинизированного населения. Реально вхождение Боспора в орбиту «гуннской империи», скорее всего, имело место в 440-е годы, когда Аттила подчинил гуннов-акациров.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И.* Погребения кочевнической знати в Крыму конца IV – VI вв. //Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. Т. III. С. 206 – 211.
- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: Дар, 1999. 352 с.
- Айбабин А.И.* Крым // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья IV – XIII веков / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева, Москва: Наука, 2003. С. 9 – 145.
- Айбабин А.И., Хайрединова Э.А.* Крымские готы страны Дори (середина III – VII вв.). Симферополь: Антиква, 2017. 368 с.
- Аммиан Марцеллин.* Римская история (Res Gestae). Перевод с латинского Ю.А. Кулаковского и А.И. Сони. Санкт-Петербург: Алетейя, 2000. 576 с.
- Артамонов М.И.* История хазар. Ленинград: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962. 524 с.
- Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю.* Гунно-сарматы урало-казахстанских степей. Челябинск: Рифей, 2000. 270.
- Васильев А.А.* Готы в Крыму. Часть I // Известия Российской академии истории материальной культуры. 1921. Т. 1. С. 247 – 326
- Вольфрам Х.* Готы. Санкт-Петербург: Ювента, 2003. 656 с.
- Ворошилов А.Н., Ворошилова О.М.* Тайник в позднеантичном склепе Фанагории (предварительная публикация) // Краткие сообщения Института археологии. 2019. Вып. 257. С. 174 – 181.
- Гавритухин И.О., Паромов Я.М.* Ильичевское городище и поселения его округи. // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху Средневековья IV – XIII веков / Отв. ред. Т.И. Макарова, С.А. Плетнева, Москва: Наука, 2003. С. 152 – 157.
- Гадло А.В.* Этническая история Северного Кавказа IV – X вв. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1979. 216 с.
- Засецкая И.П.* Материалы Боспорского некрополя второй половины IV – первой половины V в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1993. Т. III. С. 23 – 105.
- Засецкая И.П.* Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). Санкт-Петербург: Эллипс, 1994. 224 с.
- Застрожнова Е.Г., Шаров О.В.* «Марфовский клад» 1925 года: публикация архивных материалов // Stratum plus. 2017. № 4. С. 395 – 410.
- Иордан.* О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Текст, перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. 512 с.
- Казанский М.М.* Могилы сармато-аланских вождей IV в. в Понтийских степях // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 1994. Т. IV. С. 238 – 256
- Казанский М.М.* Хронология начальной фазы могильника Дюрсо // Историко-археологический альманах Армавирского Краеведческого музея. 2001. Вып. 7. С. 41 – 58.
- Казанский М.М.* Погребение эпохи переселения народов в Концештах: инвентарь, датировка, погребальный обряд, социальный статус и этнокультурная атрибуция. Stratum plus. 2014. № 4. С. 229 – 336.

- Казанский М.М.* О двух традициях декора клинкового оружия эпохи Великого переселения народов на юге Восточной Европы // Земля наша велика и обильна: сборник статей, посвященный 90-летию А. Н. Кирпичникова / Отв. ред. С.В. Белецкий, Санкт-Петербург, Институт истории материальной культуры, 2019а. С. 113 – 124.
- Казанский М.М.* Начало эпохи Великого переселения народов на Боспоре Киммерийском: итоги и перспективы // XX Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Основные итоги и перспективы исследований / Отв. ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько, Симферополь-Керчь. Крымский федеральный университет. Фонд «Деметра», 2019б. С. 256 – 265.
- Казанский М.М.* Степные традиции в славянском вооружении и конском снаряжении // Краткие сообщения Института археологии. 2019в. Вып. 254. С. 253 – 269.
- Казанский М.М.* Готы на Боспоре Киммерийском в начале эпохи Великого переселения народов // Боспорские исследования. 2020а. Вып. XL. С. 140 – 156.
- Казанский М.М.* Гуннская диадема с горы Митридат и ее культурно-исторический контекст. // XXI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период Античности и Средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте / Отв. ред. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Симферополь-Керчь. Научно-исследовательский центр истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского; Центр археологических исследований Благотворительного фонда «Деметра», 2020б. С. 152 – 159.
- Казанский М.М., Мاستыкова А.В.* «Царские» гунны и акациры // Гунны, готы, сарматы между Волгой и Дунаем / Отв. ред. А.Г. Фурасев, Санкт-Петербург: факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 114 – 126.
- Казанский М.М., Перен П.* Могила Хильдерика (481/482 г.) : состояние исследований // Краткие сообщения Института археологии. 2005. Вып. 218. С. 24 – 42.
- Комар А.В.* Комплекс из Макартета и ритуальные памятники гуннского времени // Гуннский форум. Проблемы происхождения и идентификации культуры евразийских гуннов: сб. науч. тр. / Ред. С. Г. Боталов, Н. Н. Крадин, И. Э. Любчанский. Челябинск: ЮУрГУ, 2013. С. 88–109.
- Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе / Греческий текст, перевод и комментарии В.В. Латышева. Санкт-Петербург. 1890, Т. 1. С. 787 – 818.
- Лимберис Н.Ю., Марченко И.И.* Погребения из курганов степного Прикубанья // Петербургский апокриф. Послание от Марка / Ред. О.В. Шаров. СПб.; Кишинев: Высшая антропологическая школа, 2011. С. 417 – 442.
- Масленников А.А.* Семейные склепы сельского населения позднеантичного Боспора. Москва: Институт археологии РАН, 1997. 108 с.
- Моисеев А.В., Козмирчук И.А., Обломский А.М.* Поселение и могильник Ксизово-16 // Острая Лука Дона в древности. Археологический комплекс памятников гуннского времени у с. Ксизово (конец IV – V вв.) (раннеславянский мир. Вып. 16) / Отв. ред. А.М. Обломский. Москва: ИА РАН, 2015. С. 15 – 29.
- Мыц В.Л., Лысенко А.В.* Позднеантичное святилище Таракташ в Крыму // Боспорский феномен: колонизация региона, формирование оплисов, образование государства. Часть 2 / Отв. ред. М.Ю. Вахтина, В.Ю. Зуев. Санкт-Петербург. Издательство Государственного Эрмитажа, 2001. С. 96 – 101.
- Николаева Э.Я.* Находки оружия на Ильичевском городище // Проблемы античной куль-

- туры / Отв. ред. Г.А. Кошеленко. Москва: Наука, 1986. С. 183 – 188.
- Новичихин А.М.* Находка фрагментов котла «гуннского типа» у хут. Бужор близ Анапы // IV «Анфимовские чтения» по археологии Западного Кавказа. Западный Кавказ в контексте международных отношений в древности и Средневековье: Материалы международной археологической конференции (г. Краснодар, 28– 30 мая 2014 г.) / Ред. Т.А. Павленко, Р.Б. Схатум, В.В. Улитин. Краснодар: Традиция, 2014. С. 168 – 170.
- Савенко С.Н.* Ещё одно захоронение аланской социальной элиты начала раннего Средневековья из Кисловодской котловины (по архивным материалам А.П. Рунича) // Краткие сообщения Института археологии. 2014. Вып. 234. С. 115 – 139.
- Прокопий из Кесарии.* Война с готами / Пер. С.П. Кондратьева. М.: Издательство АН СССР, 1950. 516 с.
- Пуздровский А.Е.* Воинское погребение гуннской эпохи из Усть-Альминского некрополя // Археологический альманах. 2010. Вып. 22. С. 285 – 310.
- Сокольский Н.И.*, Гунны на Боспоре // Studien zur Geschichte und Philologie des Altertums. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1968. С. 251 – 261.
- Старостин П.Н.* Памятники именьковской культуры (Свод археологических источников. Д1 - 32). Москва: Наука, 1967. 100 с.
- Тортика А.А.* К вопросу об исторической интерпретации легенды о переправе гуннов через Боспор Киммерийский // Боспорские исследования. 2003. Вып. III. С. 62 – 72.
- Фурасьев А.Г., Шаблава Е.А.* Концешти. Княжеское погребение эпохи Великого переселения народов. Санкт-Петербург: Издательство Государственного Эрмитажа, 2019. 244 с.
- Хазанов А.М.* Очерки военного дела сарматов. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2008. 296 с.
- Шелов Д.Б.* Экономическая жизнь Танаиса // Античный город / Отв. ред. А.И. Болтунова. Москва: Издательство АН СССР, 1963. С. 115 – 131.
- Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в Керчи в 1904 г. // Известия Императорской археологической комиссии. 1907. Вып. 25. С. 1 – 66.
- Шкорпил В.В.* Отчет о раскопках в Керчи в 1905 г. // Известия Императорской археологической комиссии. 1909. Вып. 30. С. 1 – 50.
- Штерн Э.* К вопросу о происхождении «готского стиля» предметов ювелирного искусства // Записки Одесского общества истории и древностей. 1897. Т. 20. С. 1 – 15.
- Alföldi A.* Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. Budapest: Magyar Nemzeti Múzeum, 1932. 90 s.
- Anke B.* Studien zur reiternomadischen Kultur des 4. bis. 5. Jahrhunderts. Weissbach: Beier & Beran, 1998. Teil 1. 224 S., Teil 2. 156 s.
- Baschmakoff A.* La synthèse des périple pontiques. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1948. 186 p.
- Bishop M.C., Coulston C.N.* Roman Military Equipment. From Punic Wars to the fall of Rome. London: B;T; Batsford Ltd, 1993. 256 p.
- Bóna I.* Les Huns. Le grand empire barbare d'Europe (IVe-Ve siècles). Paris : Errance, 2002. 240 p.
- Chiriac C.* About the Presence of the Composite Bow at Trapeum Traiani during the Protobyzantine Period // Etudes byzantines et post-buzantines. 1997. III. P. 43 – 67.
- Damm I.G.* Goldschmiedarbeiten der Völkerwanderungszeit aus dem Nördlichen Schwarzmeergebiet. Katalog der Sammlung Diergardt 2 // Kölner Jahrbuch für Vor- und

- Frühgeschichte. 1988. Bd. 21. S. 65 – 210.
- Damm I.G.* Goldschmuck des 5. Jahrhunderts aus dem pontischen Raum im Römisch-Germanischen Museum Köln // *Reitervölker aus dem Osten. Hunnen = Awaren* / Hrsg. F. Daim, Eisenstadt: Amt der Burgenländischen Landesregierung, 1996. S. 82 – 89.
- Eger C.* Die Hunnen kommen : die « Krone » aus Kerč // *Goldenes Zeitalter. 100 Meisterwerke der Völkerwanderungszeit* / Hrsg. F. Naumann-Steckner, M. Trier. Köln, München: Römisch-Germanisches Museum der Stadt Köln, Harmer Verlag GmbH., 2017. S. 98, 99.
- Fodor I.* Über die hunnischen Goldbögen // *Archäologische Studien zum frühen Mittelalter* / Hrsg. G. Fusek. Nitra: Archeologický Ústav Slovenskej Akadémie Vied, 2017. S. 27 – 32.
- Godlowski K.* 1995. Das «Fürstengrab» des 5. Jhs. und der «Fürstensitz» in Jakuszowice in Südpolen // *La noblesse romaine et les chefs barbares du IIIe au VIIe siècle* / dir. F. Vallet, M. Kazanski. Saint-Germain-en-Laye : Association française d'archéologie mérovingienne. P. 155 – 180.
- Harmatta J.* The Golden Bow of the Huns // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungariae*. 1951. P. 107–151.
- Kazanski M.* A propos des armes et des éléments de harnachement «orientaux» en Occident à l'époque des Grandes Migrations (IVe-Ve s.) // *Journal of Roman Archaeology*. 1991. N° 4. P.123 – 139.
- Kazanski M.* Archéologie des peuples barbares. București – Brăila: Editura Academiei române, 2009. 492 p.
- Kazanski M.* Les armes et les techniques de combat des guerriers steppiques du début du Moyen-âge. Des Huns aux Avars // *Le cheval dans les sociétés antiques et médiévale* // Dir. S. Lazaris. Turnhout : Brepols, 2012. P. 193 – 199, 287 – 296.
- Kazanski M.* Bowmen's Graves from the Hunnic Period in Northern Illyricum // « To make a fairy's whistle from a briar rose ». *Studies presented to Eszter Istvánovits on her sixtieth birthday* / Eds M.L. Nagy et alii. Nyíregyháza: Jóna András Múzeum, 2018. P. 407 – 418.
- Kovrig I.* Das Diadem von Csorna // *Folia Archaeologica*. 1985. Tom XXXVI. S. 107 – 145.
- László G.* The Significance of the Hun Golden Bow. Contribution to the Structure of the Hun Nomad Empire // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1951. P. 91 – 106.
- L'Or des princes barbares*. Paris : Editions de la Réunion des musées nationaux, 2000. 224 p.
- Podossinov. A.V.* Anonymi Periplus Ponti Euxini (2037) // *Die Fragmente der Griechischen Historiker. Part V.* / Eds. H.-J. Gehrke, F. Maier. URL: http://dx.doi.org/10.1163/1873-5363_jev_a2037. Дата обращения: 1.10. 2020.
- Tejral J.* Einheimische und Fremde. Das norddanubische Gebiet zur Zeit der Völkerwanderung. Brno: Archäologisches Institut Akademie Věd České Republiky Brno, 2011. 466 s.
- Werner J.* Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München: Verlag der Bayerischen Akademien der Wissenschaften, 1956. 138 s.

Резюме

История Боспора Киммерийского в гуннское время (последняя треть IV – вторая треть Vв.) остается во многом неизвестной, хотя уже не раз была предметом обсуждения. Здесь будет предпринята попытка обобщения тех немногих археологических находок, которые можно связать с прямым присутствием гуннов в этом регионе. Находки гуннских вещей в Восточном Крыму и на Тамани (наконечники стрел, костяные накладки на лук, навершия мечей, диадема), а также присутствие степных обычаев (помещение в погребения сёдел, стрел, найденных в конских захоронениях) в погребальной практике боспорского населения конца IV – середины V в. немногочисленны и отражают лишь эпизодическое присутствие гуннов на территории Боспора Киммерийского. При этом легко заметить, что эти вещи и погребальные обычаи связаны в первую очередь с «вождеской» и «воинской» цивилизацией того времени и, видимо, не затрагивают основную массу эллинизированного населения. Реальное вхождение Боспора в орбиту «гуннской империи», скорее всего, имело место в 440-е годы, когда Атиллы подчинил гуннов-акациров.

Ключевые слова: Боспор Киммерийский, гунны, Атиллы, вооружение, диадема.

Summary

The history of the Cimmerian Bosphorus in the Hunnic time (the last third of the 4th - the second third of the 5th centuries) remains largely unknown, although it has already been the subject of discussion more than once. An attempt will be made here to generalize those few archaeological finds that can be associated with the direct presence of the Huns in this region. Finds of Hunnic things in the Eastern Crimea and Taman (arrowheads, bone lining on the bow, tops of swords, diadem) as well as the presence of steppe customs (placing saddles and arrows, accompanying horse burials in burials) in the burial practice of the Bosporan population of the late IV - mid-V centuries are few and reflect only the episodic presence of the Huns on the territory of the Cimmerian Bosphorus. At the same time, it is easy to see that these things and funeral customs are associated primarily with the “chieftain” and “military” civilization of that time and apparently do not affect the bulk of the Hellenized population. In reality, the entry of the Bosphorus into the orbit of the «Hunnic empire» most likely took place in the 440s, when Attila subdued the Huns-Akatsiri.

Key words: Cimmerian Bosphorus, Hunnic, Attila, weapons, diadem.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Казанский Михаил Михайлович, доктор-хабилитат,
ведущий научный сотрудник (эмеритат),
Национальный центр научных исследований,
Лаборатория UMR 8167 «Восток и Средиземноморье».
michel.kazanski53@gmail.com
(33) 687 46 74 12

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kazanski Michel, dr. hab.
Directeur de Recherche (émérite)
CNRS - UMR 8167 «Orient et Méditerranée».
michel.kazanski53@gmail.com
(33) 687 46 74 12

Рис. 1. Карта памятников Боспора Киммерийского гуннского времени, упоминаемых в тексте.

А: памятники оседлого населения; Б: памятники кочевников.

1. Керчь-Пантикапей-Боспорос; 2. Фанагория; 3. Тиритака; 4. Кепы; 5. Сиреневая Бухта; 6. Батарейка-I; 7. Генеральское; 8. Ильичевка; 9. Старожилово; 10. Марфовка; 11. Феодосия; 12. Бужор.

Учитывая масштаб карты, локализация памятников приближительна.

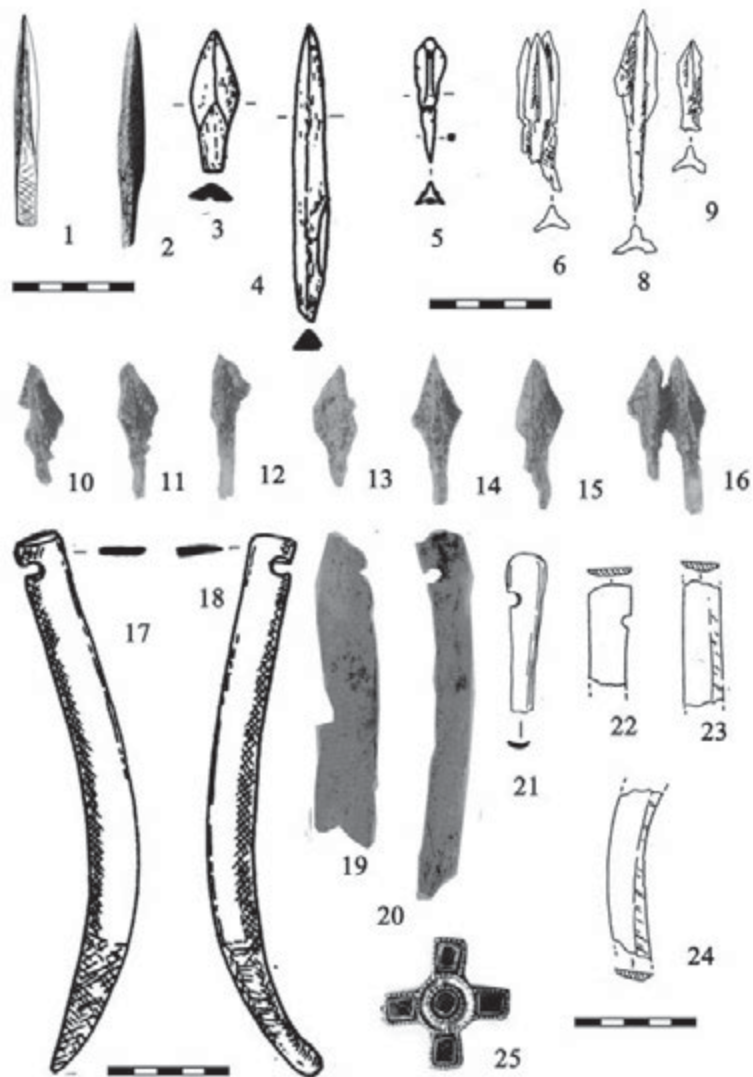

Рис. 2. Предметы вооружения и конского снаряжения гуннской традиции, найденные на Боспоре Киммерийском.

1. Батарейка-I; 2. Кепы; 3 – 5, 17, 18. Ильичевка; 6 – 9. Сиреневая Бухта, склеп 23/11; 10 – 16, 19, 20. Керчь, склеп 154.1904 г.; 21. Тиритака; 22 – 24. Старожилово-I, склеп 4/4; 25. Контекст находки неизвестен.

1. По Сокольский, 1968, рис. 9; 2. По Сокольский, 1968, рис. 4; 3 – 5, 17, 18. По Гавритухин, Паромов, 2003, табл. 6, 52 – 55, 57; 6 – 9. По Масленников, 1997, рис. 53. 8 – 10; 10 – 16, 19, 20. По Засецкая, 1993, табл. 19, 229, 57, 330; 21. По Хазанов, 2008, рис. 18, 2; 22 – 24. По Масленников, 1997, рис. 11, 1 – 3; 25. По Damm, 1988, Abb. 183.

2, 10 – 16, 19, 20, 25. Без масштаба.

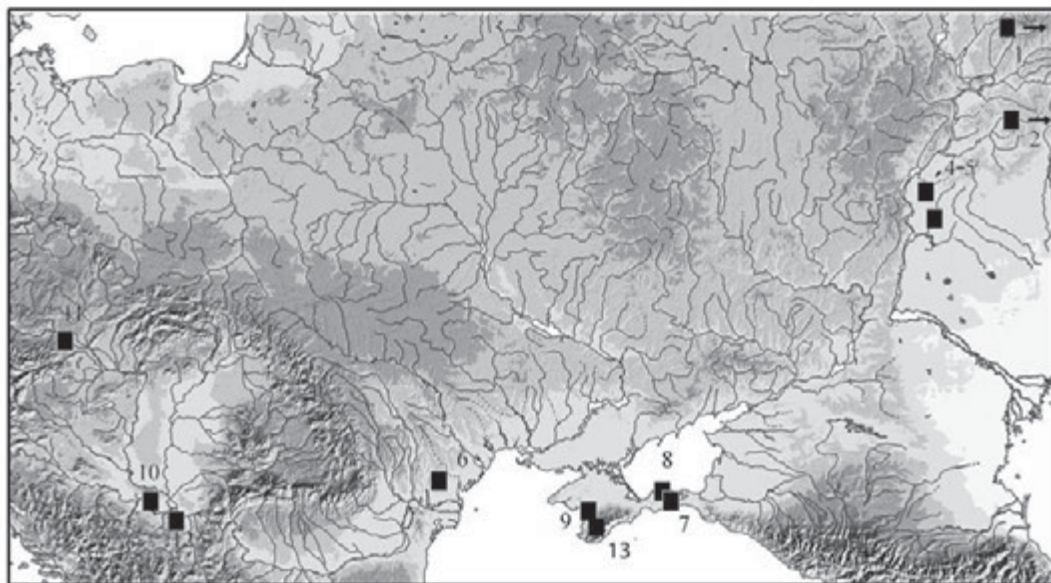

Рис. 3. Погребения гуннского времени с костяными накладками на лук.

1. Солончанка; 2. Кызыл-Адыр; 3. Зеельман-Ровное; 4,5. Энгельс-Покровск; 6. Кубей; 7. Керчь; 8. Старожилково; 9. Усть-Альма; 10. Вранья; 11. Вена-Зиммеринг; 12. Сингидунум; 13. Алмалык-Дере. По Kazanski, 2018, fig. 4.

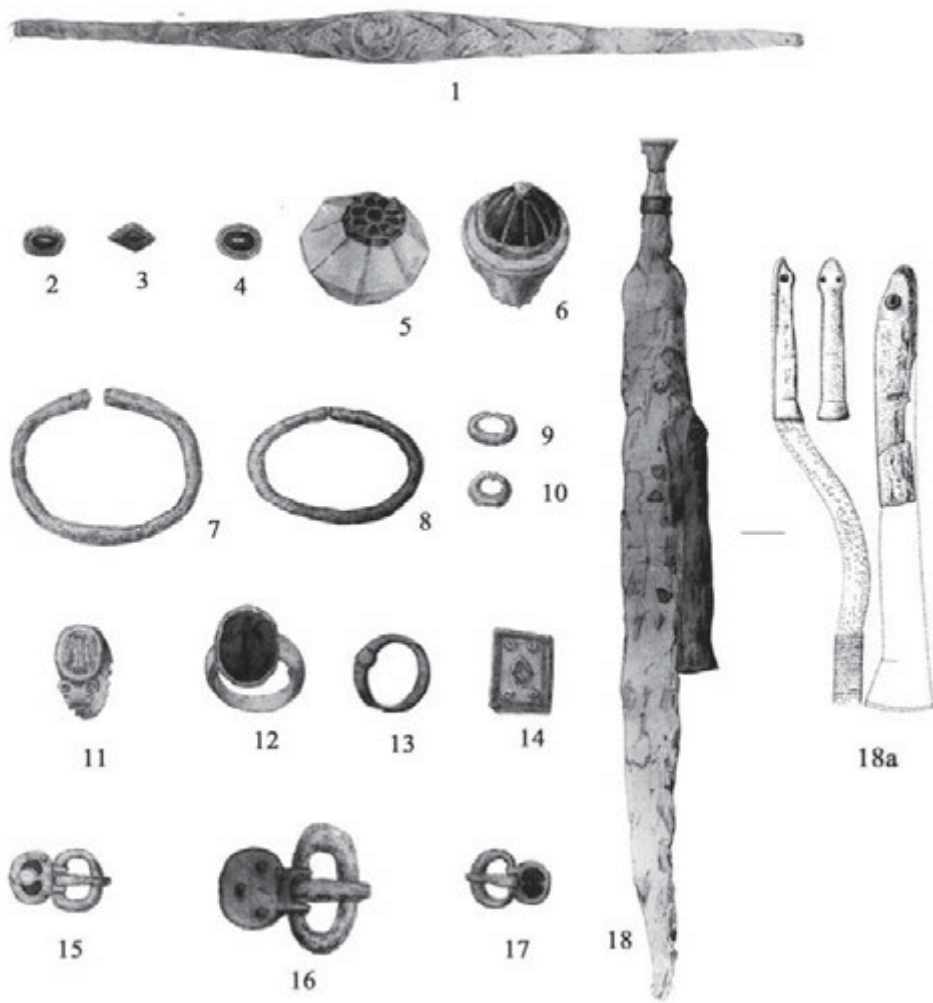

Рис. 4. Вещи из погребения Керчь - Глинище 1896 г. и гипотетическая реконструкция лука (18а).
1 – 18. По Werner 1956, Taf. 15. 18а. По Bóna, 2002, fig. 112.

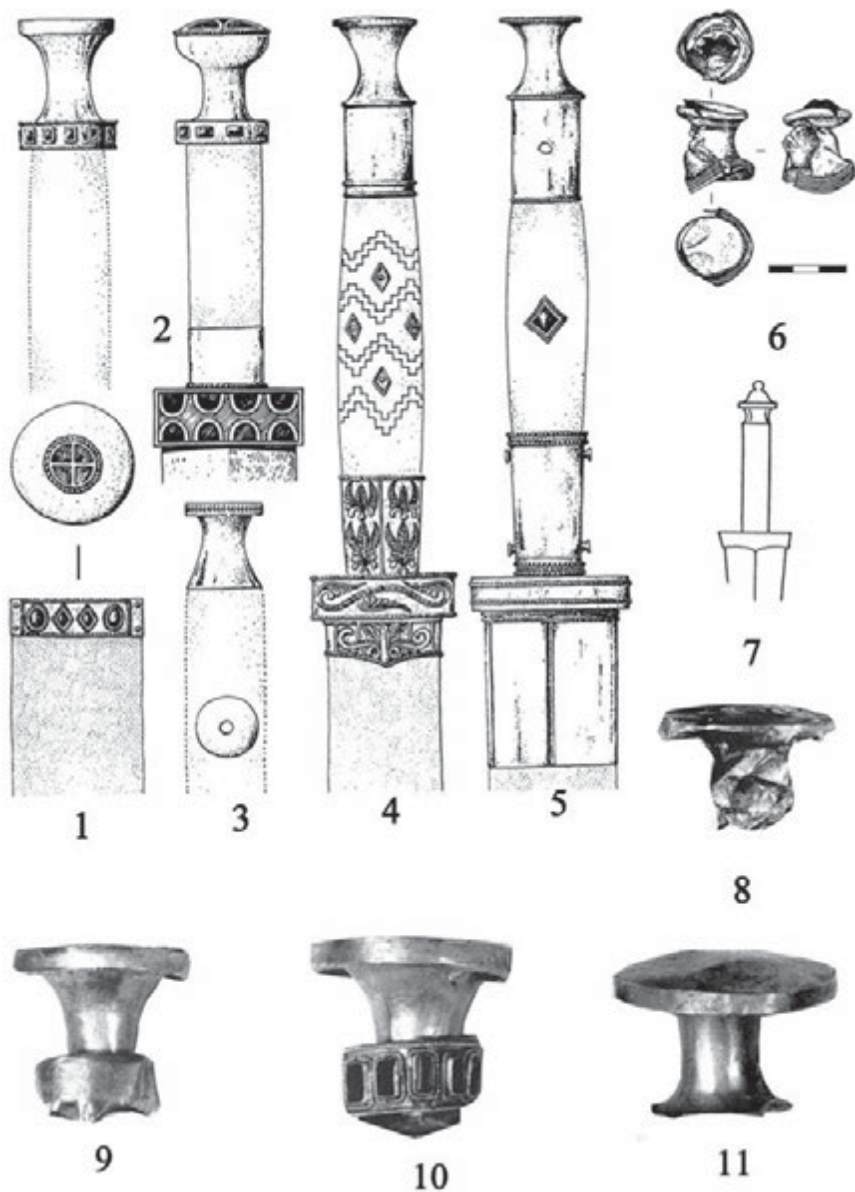

Рис. 5. Мечи «персидской» традиции.

1. Совхоз Калинина (Крым); 2. Цибилуим (Абхазия); 3, 8 – 10. Керчь (Крым), склеп 145.1904 г.; 4. Тураево, курган 5 (Приуралье); 5. Муслумово (Приуралье); 6. Волчы Ворота (Северный Кавказ); 7. Пальмира, изображение 229 г. (Сирия); 8. Керчь (Крым), склеп 1914 г. у Тарханской дороги.

1 – 7. По Казанский, 2019, рис. 4; 8 – 10. По Засецкая, 1993, табл. 17, 47а-в; 11. по Засецкая, 1993, табл. 62, 364б.

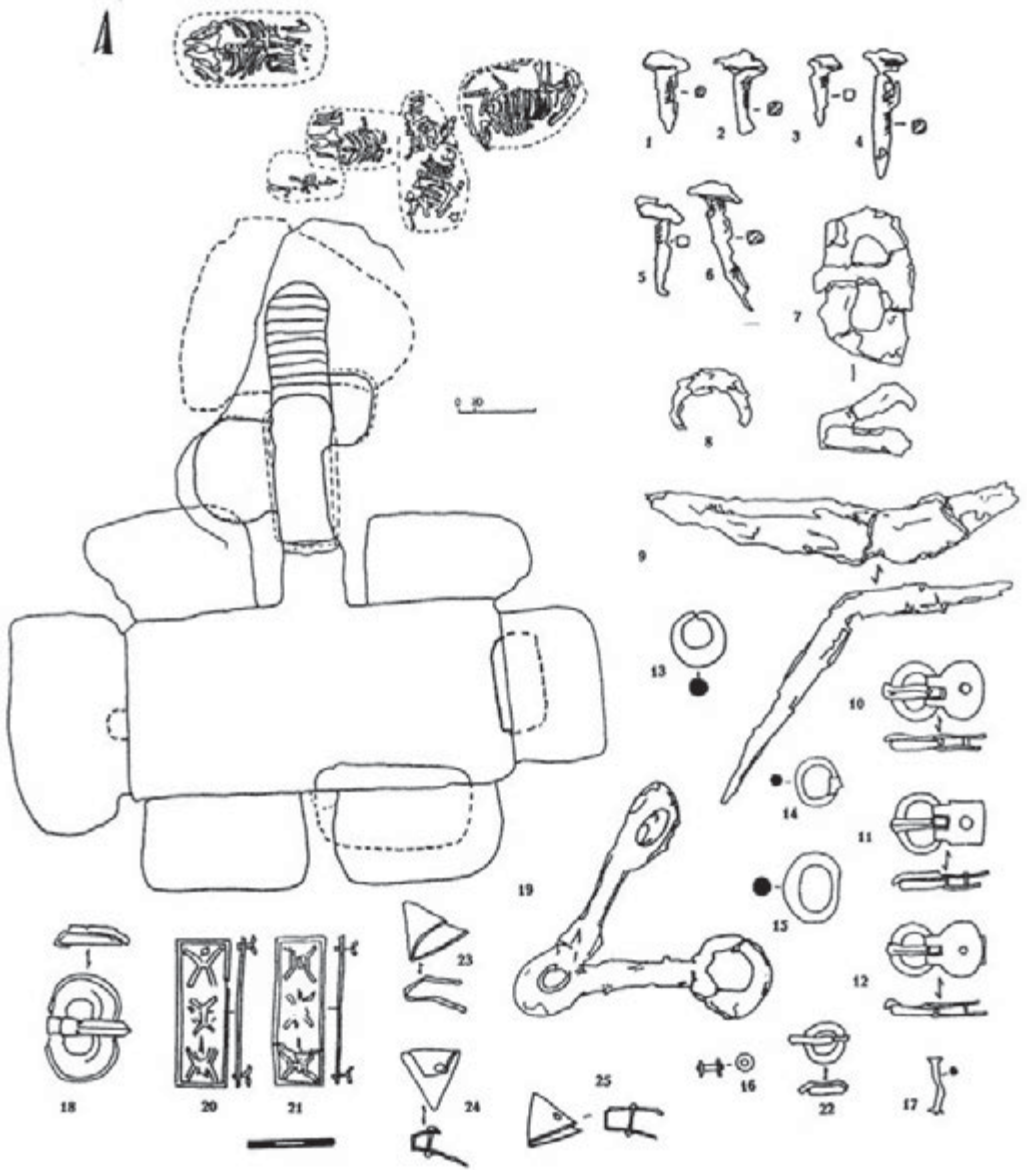

Рис. 6. Склеп 23/11 в некрополе Сиреневая Бухта и вещи из конских захоронений и погребения. По Масленников, 1997, рис. 50, 54.

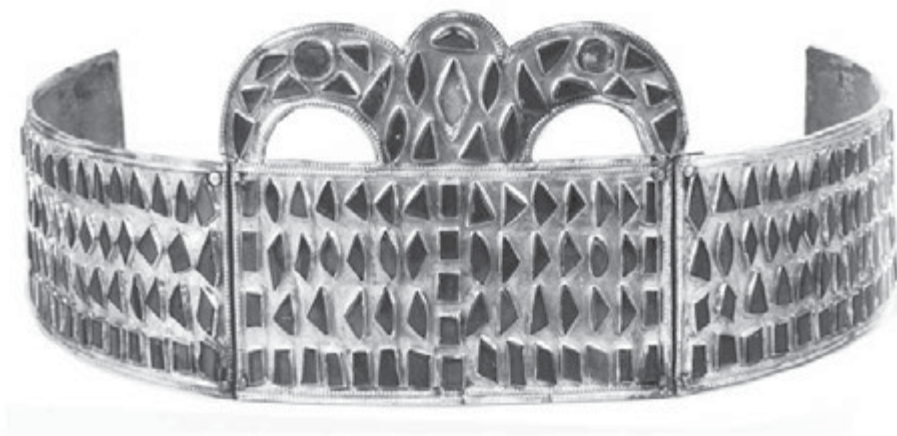

Рис. 7. Диадема из Керчи, склеп 1907 г. на горе Митридат.
По Eger, 2017, № 32.

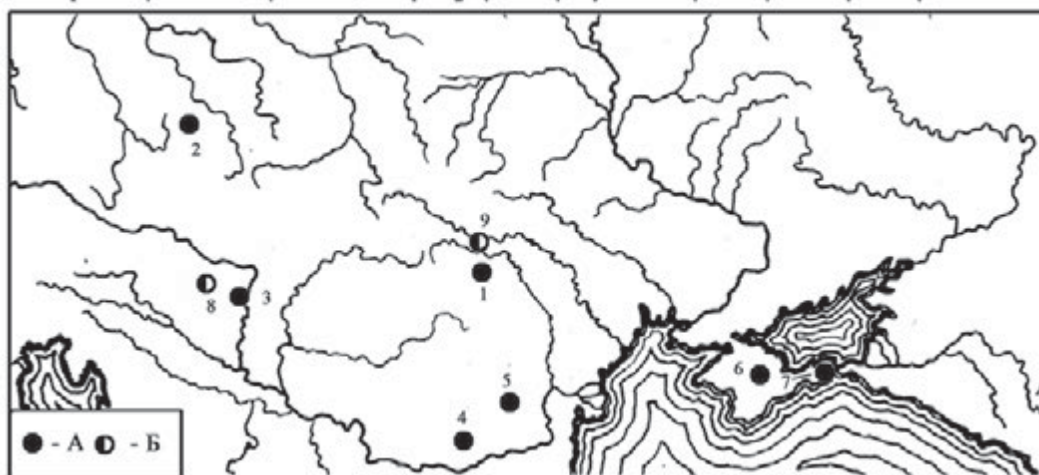

Рис. 8. Распространение гуннских диадем группы Ковриг 2в (А) и близких им диадем, украшенных плоскими камнями (Б).

1. Бухэни; 2. Енджиховице; 3. Будапешт; 4. Дульчанка; 5. Геразени; 6. Совхоз Калинина; 7. Керчь; 8. Черна; 9. Шурбанец.

По Казанский, 2020.

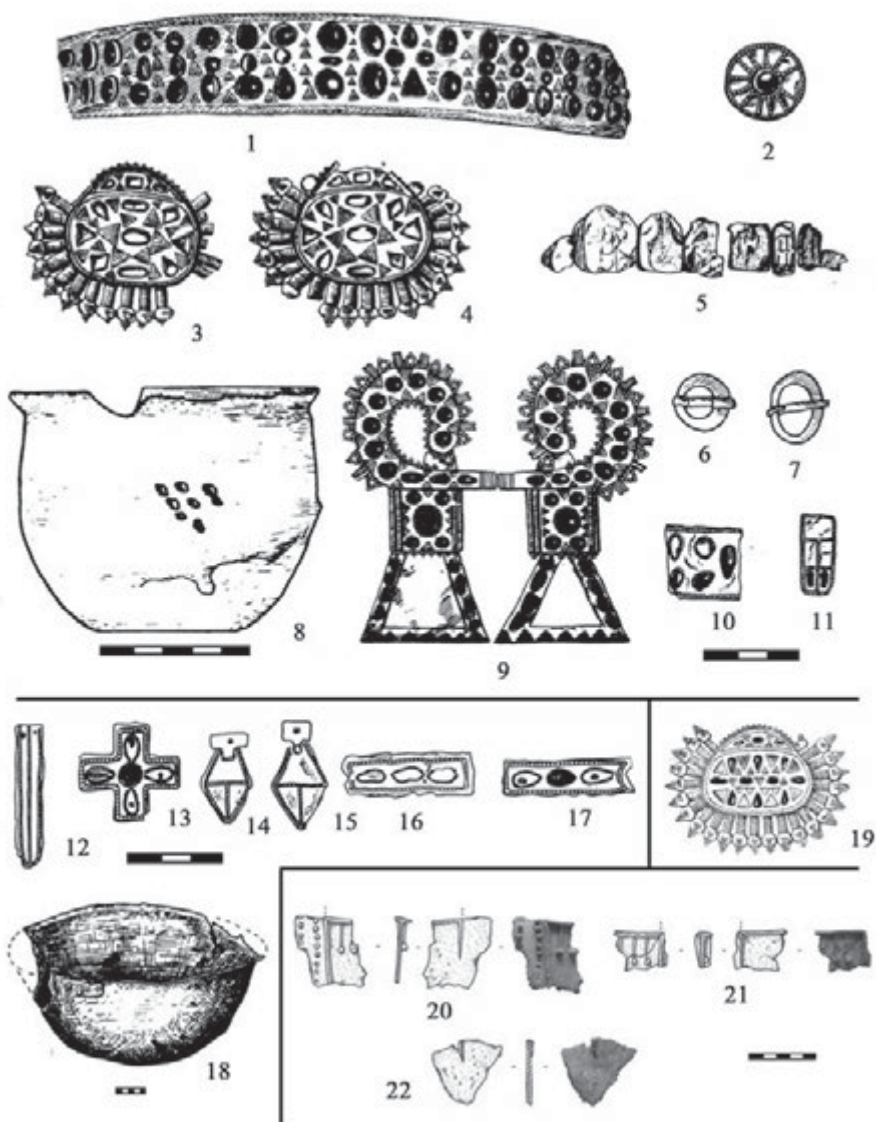

Рис. 9. Находки на границах Боспора, связанные с кочевниками гуннского времени.

1 – 11. Марфовка; 12 – 18. Феодосия, гора Клементовка / Коклюк; 19. Феодосия, контекст неизвестен; 2 – 22. Бужор.

1 – 11. По Засецкая, 1994, табл. 24; 12 – 17. По Засецкая, 1994, табл. 26, 1 – 5; 18. По Айбабин, 1993, рис. 3, 26; 19. По Засецкая, 1994, рис. 11, 8; 2 – 22. По Новичихин, 2014, рис. 1.

1993, рис. 3, 26; 19. По Засецкая, 1994, рис. 11, 8; 2 – 22. По Новичихин, 2014, рис. 1.